

« НЕ БОЯТЬСЯ »

КРЫСОЛОВ

ТАИНСТВЕННАЯ МУЗЫКА
НОЧЬЮ В ЗИМНЕМ ПАРКЕ

ВИКТОР НОВИКОВ

16+

Виктор Новиков Крысолов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65755890

SelfPub; 2021

Аннотация

Поздним вечером в безлюдном зимнем парке слышится музыка. В наш мир пришла старая жуткая сказка...

Виктор Новиков

Крысолов

Володя вышел прогуляться. И всем показать, какой он красивый в новых куртке и штанах защитного цвета – прямо как солдат с картинки!

Гулял весь день, гордо глядя в лица знакомым и незнакомым прохожим. То, что камуфляж был охотничий, Володя не знал.

Стоял мороз, но термоноски, штаны и куртка грели. Спасибо соседям, которые в связи с переездом подарили их Володе.

Дорожки были подметены, посыпаны солью и влажно блестя. И звали Володю. Он даже забыл зайти домой на обед и ужин.

«Хорошо, – говорил про себя Володя. – Зима».

Вечером пришло время, как всегда, повернуть в Парк. Володя любил гулять в Парке, когда темнеет.

Когда темнеет, небо и, казалось бы, привычные деревья преображаются. Вчера так, сегодня по-иному – ни разу не повторяясь. Каждый закат рисовал свою картину, и Володя их запоминал. Мог вспомнить, какие краски текли по Парку два или три года назад.

А ближе к ночи в Парке тихо, спокойно. Фонари вдоль дорожек дрожат свечками. Исчезают, перестают встречаться

бегуны и просто гуляющие. Никакой суеты.

Володя брёл по тропинке вдоль речки. К январю её русло превратилось в белый овраг под конвоем сосен. Утки, Володины друзья, мигрировали на незамёрзшие участки.

Володя вдруг услышал кое-что не вписывающееся в вечернее безмолвие.

Среди верхушек сосен плыла мелодия. То затихая, то заливаясь в полную мощь... Свирель или дудочка. Что-то в ней цепляло. Или вернее – царапало.

Володя решил разведать. Это чья-то колонка? Телефон? Тропинка вела прямо к источнику. С каждым пройденным деревом мелодия расцветала всё громче и затейливее...

«Стой!» – приказал себе Володя. И даже выставил руку вбок, будто преграждая путь кому-то. Сердце забилося как подстреленное.

Между сосен вереницей по сугробам шли четверо.
«Артисты?» – не понял сперва Володя.

Впереди на блестящей дудке играл эту самую мелодию Дудочник в обтягивающем трико из прямоугольных красно-сине-жёлто-зелёных заплат. Голову его венчала шляпа с аистинным пером.

Второй была маленькая Девочка В Сарафане в клетку, с мишкой и в красных колготах. За ней следовал Серьёзный Мальчик, такой же маленький, шагавший как солдат – кулаки сжаты, корпус вперёд. Замыкала шествие совсем Большая Девочка в толстовке, лосинах и тапках.

Дудочник дрыгал в танце тонкими ножками, вскидывая коленки аж до подбородка. Шёл он легко, вприпрыжку, под наст не проваливаясь – хотя был больше всех детей. А дети иной раз ползли сквозь сугробы, как приклеенные взглядом к его согнутой спине. Торопились, старались не отстать, выпутаться из веток или толщи снега.

Он вёл их к речке. В темноте над ней что-то светилось. Мигающее бело-оранжевое пятно поверх полыньи. Лёд вокруг зеленел... В том берегу был закопан каменный коллектор. Иногда он испускал пар, и оттуда пахло тухлятиной.

Володя решал, что же ему делать.

Ему всё сильнее не нравилось то, что он видел. Бежать к охране? Позвать на помощь? Спросить, почему здесь неодетые дети со странным человеком ночью? Только бы его поняли!..

Володя похолодел. Он осознал, чем его так встревожила мелодия. Он никак не мог в неё вслушаться. И не мог запомнить – хотя запоминал любые мелодии с первого раза, реже со второго. И даже просто звучание инструмента. Он до сих пор помнил перебор струн с музейных гуслей.

Мелодия Дудочника была как музыка из сна. Которая веселит, зачаровывает, но начисто стирается при пробуждении.

Её потусторонность вызвала ещё большее ощущение неправильности, чем даже встреча со странной четвёркой.

Если Дудочник тащит детей в речку, помощь опоздает. И

что-то сделать сейчас может только Володя... Володя поборол панику.

Надо познакомиться со страхом. Начать с последнего. С самого нехорошего – с мелодии.

Володя достал из внутреннего кармана свою трубочку. Ему её выпилили из полого стебля какого-то кустарника. Прожгли ряд дырок и покрыли лаком для сохранности. Володя в последнее время играл только на ней.

Несколько примерочных продувов – и сложилась «Барыня».

«Тук, тук-тук, тук-тук-тук-тук...» – вторило ей в груди.

Володя пошёл наперез процессии. Тропинка в кустах хорошо утоптана, он должен успеть.

«Барыня», конечно, не плавала в шапках сосен, среди их стволов, как мерцающая мелодия Дудочника. Она стреляла радостно вперёд, в студёный воздух, а мелодия Дудочника обрамляла её фоном, оттеняла на второстепенных ролях.

Дудочник повернулся в его сторону, не сбавляя дёрганый ход. Он заметил Володю раньше. Володя с детства приучился чувствовать такие вещи... Но дети тоже оборачивались на «Барыню».

Володя порой играл на улице. Прохожие, узрев его, морщились или каменели лицами, но на той же «Барыне» смущались, смеялись... И теплели взглядами. У детей этот огонёк был словно под наледью.

«Держись», – подбодрил себя Володя.

Дудочник поставил одну за другой на тропинку длинные ступни в тряпичных башмаках и замер, поджидая Володю.

Володя не спеша приблизился к Дудочнику. «Барыня» продолжала литься из трубки. Жёлтые глаза Дудочника горели прожекторами, бегая от пальцев Володи к его лицу.

Володя завершил песню лихой трелью. Он оказался намного шире и больше Дудочника и смотрел на него сверху вниз, но Дудочника это не смущало:

– Сыграй ещё раз! – приказал он визгливым голоском.

Лицо его было неприятным. Будто он хотел укусить Володю в любой момент.

Володя повёл «Барыню» заново. Более задорно, в полную силу – разыгрался же и привлёк благодарных слушателей.

Дети не отрывались от него, торча в сугробе несрезанными подсолнухами. Дудочник, заметив их интерес, раздул ноздри, скрежетнул челюстью и покивал чему-то.

Он поднёс к лицу свою дудку – тонкую, стеклянную, со странными розами и бабочками в качестве украшений, что светились и переливались сами по себе, изнутри.

Сначала он внимательно повторял бег по отверстиям пальцев Володи, также складывая и напрягая свои, больше похожие на лапки кузнечика. Потом подвёл к безгубому рту конец дудки и подул.

Дудка отозвалась только резкими прерывистыми вздохами, в то время как «Барыня» текла вольным, торжествующим потоком – Володя жёг в игре, как в костре, весь свой

страх.

Выплюнув с фырканием дудку, Дудочник запыхтел. Володя оборвал игру. Дудочник поднял на него злой взгляд.

Володя заиграл медленнее, лицо Дудочника разгладилось. Он снова поднёс волшебную дудку ко рту. Володя совсем замедлился... Дудка вроде поймала ритм, но окрепнув, легкомысленно понеслась вверх, в хвойные переплетения, проигрывая длиннее, чем нужно, и уворачиваясь от того, что нужно. А Володина «Барыня» рокотала уверенно и непреклонно.

– У-уу! – взвыл Дудочник.

И затопал тряпичными башмаками, тряся дудку в кулаке.

– Х-холодно... – проснулась Девочка В Сарафане.

Она испуганно смотрела на Володю, будто впервые увидела его. Снежок присыпал головы детей, сверкая на волосах. И не таял...

Дудочник взрыкнул. Совсем как Мухтар с четвёртого этажа. Только Муха большой, и ему положено так рычать, а Дудочник маленький, но рычит как большой. И ещё Муха добрый.

Дудочник снова заиграл, заплясал, вскидывая бёдра и топая по снегу.

Блестящая дудка пронзительно запела. Мелодия, нежная, ровная, ускользящая, унеслась ввысь. Зашумел ветер, который бывает лишь летом – когда деревья одеты и охотно ему откликаются. Над верхушками сосен разлился полдень. В небе поплыло колесо обозрения.

Площадка между соснами, заросшая, заброшенная, покрылась серым асфальтом и обзавелась шкафом, каллиграфически надписанным: «адов яаннаворизаГ». У шкафа появилась тётушка с лежачим холодильником для мороженого и с аппаратом, ткущим сладкую вату. Вдалеке на игровой площадке, смеясь, бегали голоногие дети.

– Калисэээ, калисэээ... – искажённо тянулся из колокольчика на столбе известный баритон. – А ципэр оно васне...

Продавщица ваты, увидев замерзшую троицу детей, помахала им большой полной рукой – мол, идите, идите сюда.

Дети на непослушных ногах как можно скорее пошагали к лету. Но их в него не пустили. Они, донельзя радостные, приникли ладонями к невидимому барьеру, словно к печке.

Картинка напоминала старое выцветшее кино, в котором небо не голубое, а какое-то зелёное. По Парку из «кина» скользили красивые тёмно-красные, тёмно-фиолетовые, тёмно-жёлтые отсветы... Лето оттуда не пришло. Мороз продолжал щипать щёки, лез за ворот и под манжеты куртки.

«Кино» было обманом. «Невзаправду», – лихорадочно думал Володя.

– Товарищи дети, в парк! – пропел Дудочник, и Володя чуть не упал.

Вместо Дудочника теперь стоял... Миша Поляков из фильма «Последнее лето детства». Стоял и смотрел на Володю.

Тот самый. В свитере с воротом под горло, в кожаной

кортке. Высокой, суровый, насмешливый.

– А что ты ещё умеешь? – спросил «Миша». – Покажи! Пожалуйста!

«Не. Бояться!» – твердил себе Володя, оставшийся один на один с неизвестно чем.

Слева от смеющихся детей, подпрыгивающих то ли от холода, то ли от счастья, с той стороны «кина» на Володю смотрели двое. Мальчик в белой рубашке, синих штанах и красном галстуке. И девочка постарше в чёрно-коричневом платье. Тоже с галстуком.

Лица у них, недвижимых, безмолвных, были такие же потерянные и просящие, как у трёх детей по эту сторону.

– Та-дааа, дааа-даа, тададада-дааам, – начал Володя на трубке музыку из фильма, который однажды увидел по телевизору.

Под неё хороший герой, очень сильный, в красном плаще спасал мир от уничтожения.

Музыка походила на мелодию Дудочника нечёткостью, неуловимостью – Володя долго трудился, подбирая её – но передавала в подсознание мощь, превозмогание и трагизм выбора героя в плаще.

Тот летел высоко в небе, толкая злодея, тоже очень сильного, прошибая им здания. Здания рушились, дождём летели стекла. Из глаз злодея вырывался огонь, грозящий сжечь невинных.

«Миша Поляков» смотрел восхищённо. Глаза у него све-

тились прямо как у злодея из того фильма.

Но стоило поднести ему дудку к губам, видение старого летнего Парка быстро растаяло. В «проекторе» как будто оборвалась плёнка. «Экран» пропал. Гревшие об него дети чуть не полетели лицами в снег. Девочка В Сарафане осела в сугроб.

– Ыы-хыы... – заплакала она на весь Парк. – Ааа-хааа!..

Большая Девочка присела к ней, подняла непослушными руками как куклу. Серьёзный Мальчик тоже попытался ей неловко помочь.

Большая Девочка увидела Володю и зашевелила губами:
– В-в...

Володя узнал её. Она часто, гуляя с друзьями в их дворе, смеялась над ним. И от этого стало совсем тошно.

Володя принялся быстро расстёгивать ворот новой тёплой куртки, но между ним и детьми встал желтоглазый «Миша Поляков».

С ухмылкой, никак не шедшей справедливому лицу Миши. Ухмылкой, в которой виделся длинный ряд зубов – одинаковых, мелких, без клыков... «Чужой».

«Миша» заиграл свою потустороннюю мелодию. Розы на его дудке распускались, опадали и превращались в облачка светящихся блёсток. Бабочки тоже шевелили крылышками на розах и рассыпались.

А Парк преобразился, став чёрно-белым – вовсе старым

«кином»... Тут раньше, оказывается, росли не сосны, а берёзы с ольхой. Вместо сетки асфальтовых дорожек протянулась одна-единственная, мощённая булыжником. По ней в белое небо шёл силуэт в цилиндре, в плаще и с тростью. Сбоку дорожки пышно цвела сирень – и по её веткам прыгала серая белка.

Из-за сирени на Володю смотрел белокурый мальчик в матроске.

– Идите! – приказал Дудочник детям.

Те неохотно подчинились.

«Миша Поляков» цыкнул на мальчика в матроске и с силой ударил кулаком по его изображению – отчего по «экрану», как по воде, кругами пошли волны. Мальчик в матроске исчез.

Рука «Миши», вытянувшаяся к барьеру на добрых десять шагов, заползала обратно в рукав куртки. Неспешно, подрагивая, словно наевшийся питон... В воздухе повис резкий влажный запах. Как ацетон или ещё-то неприятно-спёртое. Так иногда пахнет из-под канализационных решёток в морозы.

«Фу!»

Нервы Володи уже не выдерживали напряжения. Он бросился бежать по тропинке.

Прочь. Со всех ног. На выходе из Парка есть охрана, они помогут. Они не так уж и...

– Où courez-vous? – спросили его откуда-то сверху.

Володя затормозил, придерживая рукой горящую изнутри грудь, и поднял голову на зов.

В вечернем морозном воздухе под сосновыми ветвями плавала девушка в старинном платье и с чёрными как смоль волосами.

– Куда вы? – повторила она, оказываясь над тропинкой перед Володей.

Это была девушка с портрета, который Володя видел в здешнем музее, когда их водили туда на экскурсию.

Вживую она стала ещё красивее. Более хрупкая и изящная, как бабочка махаон, но всё портили жёлтые глаза. Художник нарисовал добрые, тёплые глаза-черешни, а эти светились по-кошачьи.

В руке у неё сверкала розами и бабочками дудка.

Девушка как кукла-перчатка была надета на огромное бесформенное щупальце, вытянувшееся из речки. Вонь оно исторгало немыслимую.

Лоснящееся, непонятных лиловых оттенков, исходящее паром, дразнящее какими-то жвалами и колючками... Ссадив девушку на тропинку, оно убиралось в бело-палевое сияние из полыньи.

Полынья зияла напротив Володи. «Миши Полякова» ни у детей, ни у чёрно-белой сирени не наблюдалось. Речка там не светила.

– Сыграйте! – пропел Дудочник в образе девушки.

Деваться было некуда. Володя кивнул. Он принялся иг-

рать свою самую любимую мелодию. Самую первую, которую разучил. И самую сложную.

Одну из частей третьей симфонии Чайковского.

Лёгкая, сказочная, словно метель новогодней ночью, мелодия летала, играла. Тревожилась, обволакивала... А в конце, подчинив слушающего, смеялась, издевалась и торжествовала.

– Merveilleux! – захопала девушка. – Et moi?

Она, видимо от восторга, потеряла очертания, совсем превратившись в туман. Подняла к месту, где прежде был рот, засверкавшую дудку и призадумалась.

– Ах, опять выйдет пустое! – расстроилась она.

Две жёлтые точки в дымке поверх ажурного ворота сфокусировались на Володиной трубке.

– Ужель оказия в вашей дудке?

Володя чутка поднял кулак с трубкой. И протянул раскрытую ладонь другой руки.

Девушка, помедлив, положила на неё свою дудку и цапнула трубку Володи.

Володя залюбовался даденным. Дудка была как будто из иного мира. Её вес никак не ощущался, словно Володя и не держал ничего. Блёстки, бегающие внутри цветов, бабочек и ствола отражались столь же ярко на его ладонях и пальцах.

Дудочник вернул себе самое первое, самое злое обличье. При этом остался почему-то в платье девушки с портрета.

Он краснел и с силой надувал щёки. Из Володиной трубки

у него вылетал только воздух.

Володя тоже поднёс к губам волшебную дудку. Пальцы тряслись. Слишком большие, слишком крупные для нежной красоты, они неловко дёрнулись...

Дудка с хрустом преломилась.

Крупница за крупницей, её маленькие осколки обращались в сияющую пыль и гасли, не долетая до снега.

Дудочник в платье затрясся. Голова его сплющилась, серые зубы раздвинули щёки в стороны. Казалось, ещё немного, и он опять завоюет.

Сзади что-то щёлкнуло, заворчало. На речке крикнул лёд, в нескольких местах послышался плеск. Сумрак осветился бело-оранжевым, палевым.

Сердце убыстрилось. Володя стал поворачивать голову...

«Не оборачивайся!»

Его ударило будто бетонной трубой, мгновенно сбив с ног. Половину лица и шею обдало едким кипятком. Нос никак не мог вдохнуть, пришлось хватануть ртом жаркий, почти жидкий воздух. Последнее, что Володя расслышал – где-то вдали завизжали дети.

«Успеют... – подумал угасавший Володя. – Да. Далеко».

* * *

– Вова! – позвали его. – Вов! Ты как?

Кто-то проверил, тёплая ли у него рука. И принялся бес-

церемонно надевать на неё рукавицу.

– Живой... – сказал тот, кого Володя не видел.

Голос давно изменился, но интонации Володя узнаёт. Понимает и некую робость с заботой в трогаящих руках.

Детский сад. На прогулке Володя играет с другом. К воспитательнице подходит бабушка и забирает Володю. Правда, сейчас не время, когда забирают из сада.

Но бабушка неторопливо шествует с ним по дорожке к калитке. Им вслед смотрит мальчик, замерший возле ракеты из арматуры.

«Всё! – звонко крикнула мальчику, пуча глаза, воспитательница. – Увели твоего друга!»

Увели. Навсегда...

– Первый, я пятый! Бригаду с носилками на угол в десятый квадрат у реки! У меня тут пострадавший!

– Понял, бригаду на десятый, – слышался из радиации прерывистый ответ.

Лицо Володи жгло, словно поверх кожи лежала толстая горячая лепёшка. Незащищённый бок, на котором он лежал, напротив начал неметь от холода.

– Он у... Ушёл?

– Кто? Кто – он?

– Зу... Зубастый...

Рука, которая держит Володино запястье, вздрагивает. Едва заметно, но Володе достаточно.

– Ушёл, ушёл. Я рядом. Ты держись только. Третий-тре-

тий, – Рация зашипела. – Тут следы, к тебе на двенадцатый идут!..

Володя поразился, что он до сих пор разбирает его, Володину, речь.

Вова-дурак – так прямо звали его даже воспитательницы. Друг провёл всё лето в деревне, потому тоже был дикий, неразговорчивый. Потому и подружились... Заговорил Володя позже. Говорил, будто держа полный рот каши.

Спустя долгие три года Володя попытался возобновить детсадовскую дружбу. Увидел гуляющего во дворе бывшего друга, подошёл и спросил:

«Дима, ты меня не прогонишь?»

«Нет, что ты...» – то ли испугался, то ли устыдился друг.

А после шархался от Володи, бродившего за ним хвостиком весь день.

Они виделись осенью в том же году. На занятиях в ломе культуры при Заводе.

Как-то Володя принёс на них крошечную глиняную свистульку – собачку или овечку. Психолог одобрила её и поставила на стол перед собой:

«Пусть стоит, радуется».

После урока в коридоре Володя протянул свистульку другу. Тот, смеясь и сильно стиснув зубы, швырнул её на пол. Свистулька разбилась на несколько проскользивших по паркету частей.

Володя тогда не расстроился. Просто снял с лица улыбку.

ку...

Вокруг брезентовых носилок несинхронно топали и пыхтели человек шесть или восемь. Больших, гораздо больше Володи. Володя летел над землёю Парка головой вперёд – пока не упал спиной на ровную твёрдую поверхность. Уже не на холодный и рыхлый снег.

В глаза поочерёдно посветили:

– Зрачки реагируют.

Володя увидел над собой смутные тени. На лицо возвращалась мимика. Из уголка глаза побежала влага, и кто-то промокнул её тканью. Володя по запаху одеколona понял, кто это.

Рука оголилась, в неё ткнули иголку.

– Куда вы его? В токсикологию?

– В приёмное пока.

Кто-то новый громко прошуршал толстой зимней курткой:

– Кто это у тебя?

– Вова Желанов. Ох, тварь... Его-то за что?

– Тут это... Как раз. Нашлись все трое. Живы-здоровы.

– Слушай, помоги, каталку заело.

Раздалось душераздирающее лязганье, и Володю тряхануло.

– Ага. Мелкая ревет, правда, безостановочно. Значит, в порядке. Нашли, главное, в старой ротонде. Мы ж с неё и начали, раза три или четыре там всё прочёсывали. Я сам пе-

чать на дверь шлёпнул. А они выскочили оттуда как зайцы!.. Кулешову опросили легонько, пока врач не подъехала. Она нормально... Сказала, что Вова навстречу им вышел. Отвлёк этого, а они убежали.

Володя продолжения не слышал. Сомлел в тепле скорой и заснул.